

АВТОБИОГРАФИЯ

14/IX 1923 г.

Аарон Борисович Залкинд
Член ЦК Всеработпроса

Родился в 1888 г., Харьков. Отец – приказчик, последние 8 – 10 лет жизни разъездной приказчик, живший 3/4 времени врозь с семьёй. Мать подрабатывала шитьём белья. Всё детство – тяжёлая нужда, непрерывная борьба за право учиться, право жить в русских городах. Отца несколько раз арестовывали и высылали за «неправильную прописку». Эта борьба доконала отца – в 49 лет умер от разрыва сердца. Мать в итоге передраг – полудушевнобольная. Нас семеро детей, – все с 12 – 13 лет самостоятельны, зарабатывают мелкими уроками (у всех хорошие способности). У всех испорченные сердца или лёгкие. У меня в 34 года сердце и аорта увеличены почти в 1,5 раза, грубо – ранний склероз сосудов – эффект «спокойной» жизни.

Идеологически начал осознавать себя с 10 – 11 лет. Сначала религиозный уклон (влияние отца), 12 – 14 лет – философские интересы, с 15 лет – начало серьёзных общественных интересов и тяготение к марксизму. С 1903 г. участвовал в подпольных кружках Костромской социал-демократической организации, с середины 1904 г. руководил двумя рабочими кружками (фабричный и еврейских ремесленников) и двумя ученическими; учился в это время в Костромской гимназии. Был председателем ученической революционной организации в это время в Костроме, и «начальником штаба» боевой ученической дружины (1904 – 06 гг.). Был исключён из гимназии, но т.к. я работал сравнительно секретно и, кроме того, видимо, боялись востормозить учеников – к выпускным экзаменам был допущен.

1906 – 07 гг. – студент; участие в студенческих марксистских кружках, при наездах в Кострому 2 – 3 раза был использован для докладов по истории философии на учительских (подпольных) конференциях. Все эти годы (1903 – 07 гг.) был вне партии (дикий). Осенью 1907 г. – зимой 1908 г. – тяжёлый невроз, убивший на время работоспособность, бодрость, сон: истерический паралич глотания и пр. Возможно, что это был отзвук политической реакции, но я был тяжело и клинически болен.

1908 – 14 гг. – непрерывная научная, исследовательская работа. В 1911 г. кончил в Москве медицинский факультет; жил в это время материально – отвратительно. Кончив, поступил на службу врачом в санаторий. Вся сумма моих идеологических, научных и прочих интересов устремилась в сторону анализа механизмов психологической жизни. Ещё студентом был организатором и председателем криминально-психологического кружка (объединившего юридический и медицинский факультеты), гипнотического кружка, психоневрологической секции Студенческого медицинского общества и т.д. Сделал за это время несколько самостоятельных научных докладов.

Открытия конца XIX и начала XX века в области психологии (Жане, Фрейд, Адлер, гипнология и др.) произвели во мне резкий перелом.

Психология и психопатология сделались моей страстью в полном смысле. Но не самодовлеющая жажда исследования тянула меня, практика была моей целью: ещё с детства основная мечта моя — перевоспитать человечество. Сознаюсь, что в 1903 — 07 гг. причиной моего включения в революционную работу были главным образом философско-воспитательские (конечно, с политическим налётом) чаяния, экономическая же подпочва общечеловечности тогда меня ещё мало занимала. И в этой (1908 — 11 гг.) научной работе воспитательские цели стояли впереди всего. Потому я и стал «психотерапевтом», потому я и ненавидел частную врачебную практику, т.к. перевоспитывать всё нутро человека и брать за это гонорар — было очень уж несовместимо.

1911 — 14 гг. — напряжённая научная работа, сделано 5 — 6 больших докладов, напечатаны три довольно крупных статьи, самостоятельных вполне; психологические процессы расшифровывались предо мною всё глубже, — но, должен сознаться, что мирозерцания тогда у меня ещё не было. Общественные интересы и научные интересы ещё не синтезировались. Видимо, инстинктивно меня тянуло на все 100 % отдаться исследованию, чтоб потом уже и общественно развернуться. Дальнейшее подтверждает это.

1914 — 17 гг. — фронт, военным врачом, — огромные массовые впечатления. Не «теоретическая» психика находилась передо мной и не отдельные экземпляры человечества, а человеческие массы, давшие мне совершенно новые впечатления. Без книг (на фронте) я пытался «обобществить» мои психологические знания, связать мою «психологию» с социологией. Инстинктивно мне это сравнительно удавалось, но лишь в 1917 — 18 гг., попав в тыл, получив книги, я сумел добиться идеологического синтеза и сделался оформленным марксистом. Мой детский марксизм 1903 — 07 гг., плюс психологическая нагрузка 1908 — 14 гг., плюс социально-психологическая нагрузка 1914 — 17 гг., углублённые впечатлениями февральского и октябрьского переворотов и марксистской литературой вылечили меня от социологической наивности. Моя психология сделалась органической, неотъемлемой частью общемарксистского миропонимания, что я и сформулировал в своём докладе в начале 1919 года в Петроградском психотерапевтическом институте: «Биология, революция и воспитание» (*напечатан*).

Февральский переворот резко встряхнул меня. Несмотря на наивность в разрешении социально-политических проблем за это время, я всё же инстинктивно чувствовал, что оставив фактическую власть в руках офицерства и кадетов, мы погубим всё, и поэтому, разбегая по дивизиям Северного фронта (главным образом 1-й армии) в качестве представителя от вновь организованного Союза врачей, я тщательно старался рядом с врачами организовывать также и сестёр, фельдшеров, чтобы скренить весь фронт влево. В Главном военно-санитарном совете, куда я вошёл представителем от 1-й армии, я занимал крайнюю левую позицию (считался большевиком, т.к. «якшался» с фельдшерской организацией и санитарями) и после бес-

полезной попытки сломить упорство коллег в августе ушёл из Совета, который, кстати, в первые же дни после Октября был разогнан.

Инстинктивно я чувствовал, что агрессивность большевиков мудра, но, будучи беспартийным, изолированный от партийных группировок, я плохо разбирался в интимных корнях политической стратегии. Глубоко убеждён, что будь у меня несколько товарищей большевиков, я тогда же включился бы активно в переворот. Доказательство — смелость, с которой я порвал резко и на фронте и в Питере (март — август 1917 г.) с моими кадетски-меньшевистствующими коллегами. Небольшого толчка было бы достаточно, но затерявшийся в революции одинокий человек, не имеющий ни одного партийного приятеля, этого толчка получить не мог.

1918 г. — непрерывный рост моего политического и общемарксистского сознания. Белые восстания, отрыв интеллигенции окончательно меня вразумили. Случайная встреча с М.П. Кристи (друг т. Луначарского, ведавший тогда высшими учебными заведениями и научными учреждениями в Питере) ускорила моё отрезвление — я вступил в борьбу с интеллигентской реакцией, бросился на учительские собрания, к студенчеству, выступил с докладами, где пытался научно систематизировать свой перелом («Интеллигенция и революция», «Медицина и классовая борьба» и т.д.), включился в работу и с осени же 1919 г. получил заведывание Питерским отделом рабочих факультетов. Рабфаковцы, среди которых было 30 % коммунистов, называли меня своим «вождём». Мой отрыв от научной работы, разрыв с учёной корпорацией, «гибель» моей академической карьеры (мне предстояла кафедра) произвела на питерскую психоневрологическую профессию впечатление сумасшествия. Для меня же это было логическим развитием и обретением теоретического и общественного опыта. Психологические знания и марксистская социология замкнули круг, выход из которого был лишь в непосредственной политически-практической работе. Ясно было, что перевоспитать человечество можно лишь в процессе революционной борьбы — надо, значит, помочь общей победе революции.

1919, 1920, 1921 гг. — непрерывная работа общественная: 1920 г. — член ЦК Всероссийского союза работников просвещения, зам. зав. отделом рабочих факультетов Наркомпроса; 1921 г. — заведовал двумя отделами в ЦК Союза — большая литературная (профсоюзная) работа, политические выступления. Над своей «беспартийностью» я как-то до осени 1920 г. не задумывался. Мне партия доверяла, на собрания коммунистической фракции допускали, ответственную работу вёл, и привыкши ещё с 1903 — 07 гг. к беспартийному бытию, я не испытывал этого отягощения: при моих выступлениях меня считали коммунистом. Но входя всё глубже и глубже в партийную работу, слыша дискуссию, познакомившись с группировками, я постепенно понимал, что стоять вне партии — значит быть оторванным от живого организма, лишиться его воспитывающего влияния, и осенью 1920 г. я заявил о своём стремлении. Техническая волокита позволила мне

получить партбилет лишь с началом 1921 г. При чистке за партийную молодость я был переведён в кандидаты на год (I 1922 — I 1923), восстановлен Замоскворецким райкомом, но вследствие решения XII партсъезда оставлен всё же кандидатом до XIII партсъезда.

Конец 1921, 1922 и 1923 гг. — новый этап. Предыдущая научная работа и широкая общественная работа 1919 — 21 гг. связались. Моя «психология» превратилась в социальную психологию (или социальную физиологию), социология внедрилась в мои психофизиологические изыскания. Началось это ещё, как я указывал, на войне (1915 — 17 гг.), оформилось в 1918 г. (сформулировал отчётливо уже в докладе в январе 1919 г. — см. выше), но полное завершение нашло в 1921 — 22 гг., когда я параллельно общественной работе снова кинулся к научной систематизации своих впечатлений. По вопросам профессионального движения, политработы, коммунистической педагогики и марксистской психофизиологии много печатался в «Труде», «Правде», «Вестнике труда», «Работнике просвещения», «Призыве» и др. (1920 — 23 гг.).

Марксистский пересмотр психофизиологии, психофизиологическое обоснование марксистской педагогики, биологический анализ РКП(б), основы коммунистической этики, сексуальности и пр. — вот вопросы, прорабатываемые мною сейчас (см. материалы в выходящей очень скоро моей книге «Очерки культуры революционного времени»). В этой же области, считаю, лучше всего бы было меня и партийно использовать, так как, с одной стороны, у меня очень тяжёлое заболевание сердца и сосудов, оставляющее для жизни небольшой срок (наследственное отягощение, нужда детства и студенческих лет, фронт, питерский голод, напряжённые идеологические искания и пр.), и надо его продуктивно использовать. В этой же области знания у меня очень крупные и вполне оригинальные (кафедра мне предстояла ещё в 1918 — 19 гг.) и перспективы научных открытий в этой области у меня большие. Только бы успеть.

А. Залкинд

Источник: Российский государственный архив социально-политической истории. Фонд 17. Опись 100. Дело 2945. Листы 5 — 7.

**ЦК РКП (б-ов)
Учётно-распределительный отдел
Личный листок**

*Фамилия — Залкинд. Имя Отчество — Аарон Борисович.
Год рождения — 1889 г. Национальность — Из евреев.
Родной язык — Русский. На каких языках ещё свободно а) говорит,
б) пишет — Читаю по-французски и по-немецки.
Какие местности РСФСР хорошо знает — Обе столицы.*

Социальное положение (прежнее сословие, звание, состояние и т.п.) — Отец из мелких мешан.

Основное занятие, дающее средства к существованию (до Октябрьской революции) — 1906 — 1911 гг. студент — уроки; с 1911 г. служил ординатором в санатории и занимался научной работой; в 1914 — 1917 гг. врачом на войне; в 1917 — 1919 гг. в Психотерапевтическом институте — врач и научная работа; 1919 — 1923 гг. в качестве научного работника, преподавателя высшей школы, методиста. Специалист в вопросах научной психологии, работал и как прикладник, и как педагог, и как общественник.

Профессия — Кончил медицинский факультет как психиатр; научный работник в области психологии и педагогической психологии в качестве такового работал и работаю в ЦК Союза работников просвещения, Наркомате просвещения.

Семейное положение (сколько членов семьи при себе; из них нетрудоспособных на иждивении) — Мать 60 лет, жена 33 лет (хронический нефрит), дочь 11 лет.

Образование (где учился, окончил ли курс) — Медицинский факультет, 1911 г.

Служил ли в армии — Военный врач в 1914 — 1917 гг. Когда демобилизован — С 1917 г.

Был ли за границей — Нет.

Какой партийной организацией принят в члены РКП (большевиков) — Принят Городским райкомом Москвы в конце 1920 г. (по билету с апреля 1921 г.), затем при чистке (27 января 1922 г.) на год кандидатом до 17 января 1923 г.

Если участвовал в революционной работе до 1917 г., то где, в какой области работы, как долго — Гимназистом, студентом (1903 г. — начало 1907 г.) в ученических и рабочих кружках Костромы. С января 1917 г. по сентябрь 1917 г. — один из организаторов Союза медицинских работников.

Подвергался ли репрессиям за революционную деятельность до Октябрьской революции — Мелким наказаниям предостерегающего характера в гимназии (условное исключение и пр.).

Физические недостатки — Больное сердце (миокардит), сильно близорук.

Теоретическая подготовка (марксистская) — Общемарксистская: самообразование достаточно широкое (руководил марксистским кружком, есть статьи по общим вопросам); но основная квалификация — применение марксистского метода к вопросам психологии и педагогики, работа, на которую делегирован полгода назад Оргбюро ЦК (в Институте коммунистического воспитания за это время проделана большая теоретическая работа в виде научных докладов).

Партийная работа с 1917 г. — 1) По поручению парторганизации работаю постоянно лишь с этого, 1922 года (руководжу марксистским кружком); выполнял довольно часто эпизодические поручения с 1919 г. (избирательная кампания, инструктивные доклады, статьи и

пр.). 1920 — 1922 гг. почти исключительно профсоюзная работа — руководство отделом ЦК Союза работников просвещения, много статей в профсоюзной печати и пр. 2) Парработой же, по постановлению Оргбюро ЦК, считается моя научная работа по Институту коммунистического воспитания, отнимающая, по существу, 3/4 моей нервной энергии и времени, и в которой я наиболее силён.

Остальная (кроме партийной) работа с 1917 г. — 1) 1917 — 1919 гг. — заведующий Петроградским психотерапевтическим институтом; 2) 1919 — 1921 гг. — заведующий Петроградским рабочим факультетом и заместитель заведующего отделом рабфаков Наркомпроса; 3) 1920 — 1922 гг. — заведующий отделом организации и культотделом ЦК Всероссийского союза работников просвещения; 4) 1922 — 1923 гг. — преимущественно академическая работа: Институт коммунистического воспитания: «марксизация психологии и педагогики» (см. «Материалы» Института); курс введения в коммунистическую педагогику на Высших народных педагогических курсах; методическая работа в ЦК профсоюза работников просвещения. Последнее (пункт 4) — наиболее рациональная форма использования меня.

Кроме того, указать главнейшую работу, не связанную с исполнением той или иной должности — Инструкторские доклады и статьи в профсоюзной и педагогической печати, проработка научно-психологических вопросов в коммунистическом разрезе в комиссиях Государственного ученого совета, на конференциях и т.д.

Дополнительные замечания — Полагаю (по печатным работам, накопившемуся материалу, уклону моей исследовательской работы последних лет), что обладаю серьёзными научными возможностями, вполне самостоятельными, в области построения марксистской педагогической психологии. Было бы жаль, если бы никем научно-исследовательски не обслуживаемая область не поглотила меня целиком. Тем более, что вряд ли меня в этом деле можно сейчас заменить.

А. Залкинд. 1923 г.

Дополнение к личному листку

1/X 1920 г. — 1923 г. Москва. ЦК Рабпрос. Член ЦК, инструктор организационного отдела.

1922 г. — 1923 г. Москва. Академия коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской. Профессор.

1923 г. — II 1925 г. Москва. ЦК Рабпрос. Член Президиума.

Оргбюро ЦК 12/XII 1924 г. утверждён членом Правления Госмедторгпрома.

До 26/XII 1931 г. Москва. Институт психологии. Директор.

Снят с учёта. 1934 г.

Источник: Российский государственный архив социально-политической истории. Фонд 17. Опись 100. Дело 2945. Листы 1—4-об.